
Диана Салем
Ангел Мэри

Диана Салем
Ангел Мэри

https://litres.ru/74719967
SelfPub; 2026

Аннотация

В центре сюжета — случайная встреча двух одиночеств на пустынных улицах Питера. Мэри - молодая женщина с длинными светлыми вьющимися волосами, в чёрном плаще идет по Малой Садовой с тревожным букетом желтых тульпанов а он — случайный прохожий в чёрном кашемировом пальто и странной черной шапочке с вышитой желтой буквой «V». Всего один пронзительный взгляд сквозь осеннюю дымку навсегда меняет их жизни. Обернувшись на повороте к Итальянской улице, Мэри понимает, что эта мимолетная встреча стала началом чего-то неизбежного., такого как Судьба.

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Ангел Мэри

Глава 1

Мэри.

Она шла по Невскому проспекту, и подол ее длинного черного плаща тяжело шуршал, задевая серый ленинградский асфальт. Проспект дышал сыростью, бензиновым чадом редких «Жигулей » и глухим, предвечерним шумом. Мэри не замечала толпы. В ее голове, как пластинка на старом патефоне, крутилась одна и та же изнуряющая мысль.

«Как я устала... Господи, как я устала».Ее муж, Кирилл Гончаров, был живым памятником советской науки. Крупный физик-ядерщик, академик, человек, чье имя произносили с придыханием в коридорах Академии Наук. Человек, у которого было абсолютно всё, что только мог пожелать советский гражданин в эти суровые послевоенные годы: роскошная пятикомнатная квартира на старом интеллигентном Василеостровском, служебный автомобиль с молчаливым шофером, дача среди вековых сосен в Комарово и спецпайки.

И за всё это благополучие Мэри расплачивалась своей тридцатилетней разницей в возрасте с мужем и звенящим, ледяным одиночеством.Пять лет назад всё казалось сном. Она, юная провинциалка Маша, со светлыми волосами до

плеч, приехала в послевоенный Питер с одной мечтой — поступить в Театральный институт. Но Ленинград встретил ее не сценой, а случайным вечером в полутемном, шумном ресторане. Она сидела там с двумя подругами, считая копейки на десерт, когда за соседним столом академик Гончаров с коллегами шумно и дорого праздновал завершение секретного государственного проекта. Вспыхнул короткий, стремительный роман. Гончаров был очарован ее молодостью, она — его масштабом и защищенностью, которую он предлагал. Они поженились так быстро, что она не успела опомниться.

И вот теперь — пять лет брака. Чувства не просто охладели, они застыли, как невский лед. Ни настоящей близости, ни детей. Только пустота в огромной квартире с высокими потолками. Жизнь уходила сквозь пальцы.У входа в метро — темного, пахнущего сырым бетоном и подземным сквозняком — Мэри замерла. Нарушая монотонную серость питерской осени, там сидела сгорбленная старуха. Перед ней в жестяной банке из-под американской тушенки стоял последний букет. Это были тюльпаны. Странные, вызывающе желтые, похожие на капли воска или на маленькие тревожные факелы. Мэри боли, до крика захотелось живого цвета. Она протянула помятую рублевую купюру, забрала цветы и пошла дальше.

Желтые бутоны горели на фоне ее строгого черного плаща, оттеняя бледность лица и светлые пряди волос. В этом

облике было что-то роковое, почти пугающее для советских улиц —девушка, слишком красивая, слишком одинокая, несущая в руках цветы разлуки.

Она свернула с шумного Невского на Малую Садовую, намереваясь дворами выйти к Итальянской. Прохожих здесь почти не было. Город словно вымер, погружаясь в сумерки. Ранняя осень выдалась прохладной и застывшей: ни малейшего дуновения ветра, ни одного солнечного луча за весь день. Листва на редких деревьях только-только начинала трогаться болезненной желтизной, сливаясь по цвету с ее букетом.

Мэри остановилась у глухой стены, достала из сумочки тяжелую трубку трофейного мобильного телефона — редчайшей, почти мистической вещи, доступной в этой стране только женам академиков и партийной верхушке по спецсвязи. Набрала номер мужа.

— "Кирилл, я здесь, в городе," — её мелодичный, голос прозвучал тихо, но отчетливо в пустом переулке., как приятная музыка. — "Я задержусь, мне надо еще в магазины зайти. Целую." Она шла дальше по Малой Садовой. Город вокруг нее застыл в безмолвном величии осени.

Дождь и туман лишь подчеркивали безупречность линий: строгие колоннады, изысканная лепнина и кованые решетки балконов казались сошедшими со старинных гравюр. Влага омывала гранитные цоколи, заставляя их благородно поблескивать. Архитектура дышала вечной, застывшей в моменте

красотой ранней осени.

И вдруг на другой стороне улицы, уходящей к Итальянской, из серой дымки со стороны сквера возник силуэт. Человек шел ей навстречу.

На нем было черное, осеннее, кашемировое пальто,и **черная бархатная шапочка с вышитой на ней шелком желтой буквой «V»**. Этот странный головной убор мгновенно приковывал к себе взгляд, крича о чьих-то заботливых руках и глубокой личной тайне среди строгого советского города. Из-под шапочки выбивались пряди темных, тронутых преждевременной сединой волос. Он шел не торопясь, слегка ссутулившись, засунув руки в карманы, и вся его фигура выдавала человека, привыкшего к долгим, одиноким прогулкам по питерским переулкам. Но когда он поравнялся с ней через узкое пространство мостовой, Мэри подняла глаза и замерла.

Из-под края этой черного бархатного кэпи на нее смотрели его глаза. Они были поразительными — глубокими, темными, полными одиночества, затаенного страдания и одновременно острой, пронзительной мысли. В этом взгляде не было обывательского любопытства или мужской наглости. Мужчина смотрел на нее так, словно давно знал, словно среди этого мертвого, застывшего осеннего дня он искал и, наконец, увидел единственный живой ориентир — женщину с тревожным букетом желтых цветов.

2.Мэри и Виктор

Из сырой, пахнущей известкой и старыми книгами темноты подворотни навстречу ей вышел человек.В его облике странно, но гипнотически правильно сочетались элегантность прошлого и дерзость настоящего. На нем было шикарное черное кашемировое пальто идеального кроя, которое мягко скрадывало движения, а на голове — модная черная шапочка, сбоку которой красовалась вышитая золотыми нитями крупная буква «V».

Мэри замерла. В ее памяти мгновенно, до дрожи, ожили страницы романа «Мастер и Маргарита», который она совсем недавно, затаив дыхание, читала долгими питерскими вечерами. Это совпадение казалось невозможным, почти пугающим.Незнакомец был бледен, его лицо казалось осунувшимся, а в глубоких тенях возле глаз горел лихорадочный, болезненный, но пронзительный блеск. В руках он сжимал потрепанную тетрадь. Поравнявшись с Мэри, он резко остановился, словно налетел на невидимую стену. Его взгляд упал на желтые тюльпаны в ее руках. Время вокруг них окончательно замедлило свой ход, и весь шум Питера конца двадцатого века полностью угас.

Это был красивый мужчина лет тридцати пяти или сорока, с приятными, правильными чертами лица, в которых угадывались гены аристократа. Несмотря на явные следы изнурения и бледность, от него веяло благородной, утонченной силой. Он на Мэри и в его глазах, мгновение назад казавшихся потухшими, она вдруг увидела заблестевшие огоньки —

искры внезапной надежды и искреннего, немого восхищения.Мэри почувствовала, как по спине пробежал легкий холодок. Этот взгляд не был дерзким или оценивающим, какими обычно смотрели на нее мужчины на улицах или в ресторанах. Он смотрел на нее так, словно узнал человека, которого искал всю свою жизнь и уже не надеялся встретить среди холодного осеннего тумана.Она затаила дыхание, не в силах отвести глаз от его приятного лица и синих глубоких глаз.

Ей вдруг отчаянно, вопреки всем правилам приличия, захотелось заговорить с ним. Этот порыв был сильнее ее, словно кто-то невидимый толкнул ее в спину.

— "Вам нравятся мои цветы?" — спросила она, вспомнив вопрос из её любимого романа, это прозвучало как пароль, и ее голос прозвучал удивительно чисто и смело в пустынном переулке.Он вздрогнул, словно ее слова вывели его из глубокого оцепенения. Взгляд его скользнул по тревожным желтым лепесткам, и на красивом лице отразилась тень застарелой, глубокой грусти.

—" Нет!" — ответил он, и его голос оказался тихим, но глубоким, с мягкими аристократическими интонациями.

—" Я больше люблю розы. И желтый цвет символизирует расставание, а это, извините, больно!" Мэри замерла,все совпало. "Но как это возможно?"-подумала она, и присмотрелась к выражению его лица, не было ли иронии в его взгляде, но нет. Он ответил очень спокойно, после того как перевёл взгляд на цветы. Мэри была пораженна его искренностью и

его приятным мужским тембром голоса, он звучал так тепло и приятно. Было странно, что этот роскошно одетый человек с измученным взглядом говорил о боли так открыто и утонченно, словно они были знакомы вечность. В его словах не было грубости — лишь глубокая, обнаженная правда.

Он помолчал секунду, словно взвешивая важность этого момента, а затем продолжил, и в его голосе проскользнула благородная сдержанность:— "Вообще-то, не в моих правилах знакомиться на улицах," — он едва заметно улыбнулся, и эта улыбка на мгновение разгладила тени усталости на его правильном лице.

"Но я бы очень хотел узнать, как вас зовут. Я — Виктор. У меня тут недалеко ювелирная мастерская и антиквариат. А вы... кто вы?"

" Я — Мэри," — ответила она и, повинуясь какому-то порыву, первой протянула ему руку в тонкой черной перчатке.

Виктор бережно принял ее ладонь.

Имя, которое он сам себе дал, золотая буква «V» на модной шапочке, викторианская строгость кашемирового пальто и эта внезапная магия посреди шумного, бандитского Питера девяностых — всё сошлось вдруг в одну ошеломляющую волнующую встречу двух одиноких сердец.

Он не пожал ее руку — это было бы слишком обыденно для этой минуты. Вместо этого Виктор деликатно и мягко, но уверенно взял Мэри под руку. Его кашемировый рукав оказался теплым и мягким, и это простое движение мгно-

венно разрушило невидимую стену между ними.

"Вы не голодны?" -заботливо спросил Виктор. "Может зайдём в кафешку, - кофе выпьем?"

— "С удовольствием," — улыбнулась она, чувствуя, как внутри разливается приятное тепло.

— "Настоящий кофе — это как раз то, что мне сейчас нужно."

Виктор понимающе кивнул. Далеко идти не пришлось — в 90-е годы Невский проспект и прилегающие улицы буквально пестрели вывесками новых кооперативных заведений. Кафешек вокруг было полно, они открывались одна за другой, сверкая неоном и завлекая прохожих ароматами хорошего кофе и свежей выпечки.Посидев полчаса в кафе на Невском, напившившись горячего свежего кофе и угостившись пирожными, они вышли, и продолжили прогулку под руку.

3.Близкое знакомство

Виктор шел уверенно, по-прежнему бережно держа Мэри под руку. Какое-то время они шли молча, наслаждаясь близостью друг друга, как вдруг он замедлил шаг. Его лицо в свете желтых уличных фонарей показалось Мэри бледным и невероятно серьезным.Он повернулся к ней и спросил

— "А Вы верите в Судьбу? или Бога например? Сейчас это не модно в питерском обществе. Но Бог есть, и Дьявол тоже. Иначе как объяснить,нашу встречу?" - загадочно улыбался Виктор.

"Странные вопросы, я об этом не думала," — сказала Мэри и улыбнулась.Ее пухлые губы раскрылись, и Виктор заметил, что даже когда Мэри улыбается, - ее глаза почему-то остаются грустными.

Эта затаенная, глубокая печаль в ее взгляде манила его сильнее любой открытой радости. В ней была та самая утонченная зрелость, которую невозможно сыграть.Она перевела взгляд на его свободную руку, вспомнив потрепанную тетрадь, которую он так бережно держал в кафе.

— "А вы пишете книги?" — спросила она. — "О чем вы пишете?"

Виктор остановился прямо посреди тротуара, пропуская мимо спешащих прохожих. Свет фар проезжавших по Невскому «Жигулей» скользнул по его кашемировому пальто и точеному профилю. На его красивом лице отразилась сложная гамма чувств — от мальчишеской гордости до взрослой, почти осязаемой тревоги.

— "Я пишу о том, кого люди сейчас пытаются забыть,о Боге !"-тихо, но весомо ответил он.

Он посмотрел на неё долгим, пронзительным взглядом, в котором грусть смешивалась с безумной решимостью. Шумный Невский проспект с его неоновыми огнями и суетой девяностых вдруг показался ему слишком тесным и чужим для этого разговора.

— "Знаете что, Мэри…" — тихо произнес он, чуть крепче сжимая под локоть.

— "Здесь, на ветру, среди толпы, об этом не говорят. Позвольте мне показать вам. Моя мастерская совсем близко, буквально в двух шагах. Там тепло, тихо, и я… я бы очень хотел, чтобы вы стали первой, кто увидит эти страницы. Вы прочтете?"

Мэри почувствовала, как бешено заколотилось сердце. Разум провинциальной девушки, ставшей женой солидного питерского профессора, шептал ей, что идти в чужую мастерскую с незнакомцем — это безумие. Но утонченная, тоскующая по настоящей жизни, Мэри уже приняла решение. Она посмотрела в его красивые, полные надежды глаза, снова перевела взгляд на заветную тетрадь и едва заметно кивнула.

— "Да," — ответила она, и её грустные глаза на мгновение вспыхнули живым, предвкушающим блеском.

—" Только не надолго! Муж будет волноваться..."

При упоминании мужа, Виктор на мгновение тенью изменился в лице. Уголки его губ дрогнули, а в глазах промелькнула едва заметная, горькая усмышка человека, который понимает, что он вторгается в чужую, благополучную и чуждую ему жизнь. Но он ничего не сказал. Лишь мягко, успокаивающе сжал её руку, давая понять, что ей нечего бояться.

Они нырнули под низкую, мрачную арку, и шум Невского проспекта мгновенно отрезало, словно захлопнулась толстая дверь. Двор-колодец встретил их глухой, викторианской сыростью и запахом мокрого камня. В углу, под тусклым фона-

рем, сиротливо мокла черная «девятка» с затемненными стеклами — немой свидетель бурных девяностых, но здесь она казалась лишь случайным пришельцем из другого мира.

"Добро пожаловать в мое убежище,королева!" — тихо произнес Виктор, оборачиваясь к ней.

— "Здесь времени не существует.! "

Здесь, в этом скрытом от посторонних глаз питерском полуподвале, бурное и хаотичное время конца двадцатого века окончательно капитулировало перед строгим, величественным прошлым.

4.Мастерская Виктора

На полках теснились удивительные вещи: викторианские фарфоровые статуэтки, тяжелые подсвечники из потемневшего серебра, старинные карманные часы и шкатулки из резной кости.Мэри медленно пошла вдоль стеллажей, слегка касаясь пальцами прохладных предметов. Вдруг на средней полке, прямо под мягким лучом зеленой лампы, её взгляд остановился на изящной антикварной вещице.Это была небольшая, круглая фарфоровая баночка родом из изысканного восемнадцатого века, предназначенная для ночного ухода за кожей знатных дам. Её округлые бока были сплошь покрыты изящной золотой вязью, искусно переплетавшейся в загадочные узоры, а на крышке, сквозь благородные потертости времени, читалось знаменитое французское название, ставшее безумно популярным среди великосветских модниц и в начале двадцатого века, — «Crème Simon».

У Мэри замерло сердце. На секунду ей показалось, что от этой баночки исходит едва уловимый, гипнотический аромат лесных фиалок и старинной роскоши. Она протянула руку и бережно взяла фарфор. Баночка отозвалась в ладони неожиданным, живым теплом.

— "Этого не может быть, у меня Дежавю" — тихо, почти беззвучно прошептала она, оборачиваясь к Виктору."Какая чудесная вещица! Прелесть! она мне кажется смутно знакомой..,где то я её уже видела! "

"Хотите, я подарю вам ее?" — Виктор подошел к Мэри совсем близко, и от него повеяло теплом. —" Берите, берите! Может, пригодится! Дайте ваши цветы, я поставлю их в воду."

Он не спеша забрал из ее рук желтые тюльпаны, но вместо того, чтобы отойти к вазе, замер, глядя ей прямо в глаза. Время в питерском полуподвале окончательно остановилось.Виктор вдруг обнял ее и поцеловал, глубоко и страстно. Мэри не успела испугаться. Вкус его губ был так ей приятен, что она, забыв обо всем на свете, ответила на этот порыв. В этот поцелуй выплеснулась вся ее застарелая тоска по настоящей мужской ласке. Профессор Гончаров никогда не баловал молодую жену вниманием и утонченной нежностью. Для него, пожилого ученого, супружеские обязанности были лишь чем-то само собой разумеющимся, скучной привычкой. А Мэри была молодой, привлекательной женщиной.Она искала любви, безумной и всепоглощающей, и именно эту

любовь она сейчас почувствовала в ласках Виктора.Когда их губы наконец разомкнулись, ее грустные глаза заблестели лихорадочным, чувственным блеском.

Так началась их связь.Прошло несколько месяцев. С того самого памятного вечера их первой судьбоносной встречи, жизнь Мэри раскололась надвое, и та, вторая её половина, сделалась единственно настоящей.Она приходила к Виктору каждый день, неизменно сворачивая с шумного Невского проспекта в тихий, пахнущий викторианской сыростью двор-колодец. Мэри никогда не спрашивала о его прошлой жизни — для неё он был просто Виктором. Это казалось ей правильным, почти священным. Этот мужчина дал ей столько эмоций, страсти и утонченной, долгожданной любви, что она позабыла обо всем на свете. Огромная квартира на Васильеостровском острове, дача в Комарово, машина с шофером и сам стареющий профессор Гончаров стали для неё лишь блеклыми декорациями, чужим и далеким сном.

Каждый день, переступая порог мастерской, она словно попадала в другое измерение. Пока на улицах Питера девяностых годов бурлила суровая, коммерческая жизнь, здесь, под мягким светом зеленой лампы, они пили кофе, целовались до беспамятства и бесконечно говорили. Мэри усаживалась в глубокое кресло,и завороженно слушала, как Виктор читает ей первые страницы из своей заветной потрепанной тетради.

Он писал романы о Боге - Покровителе нашей страны, Ве-

ликом будущем России, об историческом становлении Российской цивилизации, а Мэри с замиранием сердца слушала его.Она спросила его, - где он публикуется? Он ответил, что пересылает свои работы на сайт Литрес. Ру. Так она узнала, что Виктор - известный писатель,и немец по происхождению, но для неё он был просто любимым человеком, а все остальное было не так важно для неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.